

Лингвистика

УДК 81'38

Л.И. Донецких, В.О. Колодкина

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ *ЛЮБОВЬ* В ЛИРИКЕ А.Л. РЕШЕТОВА

В статье анализируется художественный концепт *любовь*, репрезентирующий отражение одной из духовных реалий языковой действительности и ее субъективные особенности в организации авторской картины мира. Представлены его концептуальные составляющие, показано индивидуальное препарирование смыслов в пространстве контекстов, обнажена ментальная экспликация культурно-исторической сферы на материале творчества уральского поэта Алексея Решетова. Исследование позволило дополнить представление о данном универсальном концепте, обнажить его новые эмоционально-смысловые грани, уловить индивидуально-субъективные срезы в эмоциях самобытной поэзии художника, еще не попадавшего в поле зрения лингвопоэтики.

Ключевые слова: концептосфера, художественный концепт, понятийное ядро, периферия, образный, ассоциативный, эмоционально-оценочный слой.

Великий человек вкладывает свою
личность в свои произведения и тем
самым продлевает свое бытие
далеко за пределы своей жизни.

В. фон Гумбольдт

Изучение языка художников слова является одним из направлений современной лингвистики. В исследованиях ученых индивидуальный стиль писателей анализируется с учетом соотношения языка и мышления, способов выражения реалий внеязыковой действительности, особенностей организации авторской картины мира.

На основе личного когнитивного опыта в сознании писателя формируются концептуальные структуры, которые отражают индивидуально-авторское представление об окружающей действительности, ментальную экспликацию и эмоционально-субъективные чувства в пространстве текста. С этой точки зрения актуальным представляется изучение культурных концептов, где ярко проявляются базовые национальные и духовные традиции, зафиксировавшие результаты индивидуального опыта познания мира в произведениях мастеров слова.

Понятие концепта, как известно, пришло из философии и логики. В лингвистике концепт рассматривается как общее понятие, мысленное образование множества предметов одного и того же рода, как сгусток культуры в сознании человека (см. работы С.А. Аскольдова-Алексеева, Н.Ф. Алефиренко, С.Г. Воркачева, Д.С. Лихачева, В.А. Масловой, Ю.С. Степанова, И.А. Тарасовой и др.).

Концепт в качестве посредника между словом и действительностью выявляет и объективирует то, как увиден и понят мир человеческим разумом, как он преломлен и категоризирован сознанием вообще и субъективным сознанием в особенности.

Идиосфера бытования концепта позволяет выделить еще одну грань понятия концепт – художественный концепт [1. С. 268]. Художественный концепт получает свою репрезентацию в художественном произведении или их совокупности и включает в себе индивидуально-авторское понимание сущности предметов или явлений.

Соотношение концептуальной и языковой картины мира является важным вопросом современной когнитивной науки. Концептуальная картина мира богаче, емче, эмоционально разнообразнее, чем языковая картина мира [1. С. 268]. В ней выделяют ядро – предметно-понятийный слой и периферию – образный слой, ассоциативный и эмоционально-оценочный [2. С. 94-98]. У мастеров слова концепты обретают многомерность, их структура может усложняться, коннотации трансформироваться.

В осознании этой когнитивно-эстетической категории чрезвычайно полезным оказывается опыт изучения структурно-смыслового богатства концепта *любовь* в лирике поэта Алексея Леонидовича Решетова, которое еще не стало предметом пристального внимания лингвистов, хотя его твор-

чество привлекает внимание содержательной многоплановостью, ментальными и самобытно-индивидуальными связями, эмоциональными оттенками, оригинальными образами: любовь – букетик быльи, снежинка, темница. Выделенные Решетовым регионально-личностные грани древнего человеческого чувства обогатили русскую поэзию невиданной ранее трогательной выразительностью.

Предметно-понятийный слой (ядро) концепта *любовь* составляет лексема *любовь*. Дефиниции лексемы *любовь*, закрепленные в различных лексикографических трудах, позволили выделить следующие концептуальные признаки: 1) любовь может быть самоотверженной (любовь к Родине); 2) отеческой (материнская любовь); 3) основанной на сильном эмоциональном влечении к противоположному полу (любовные отношения, чувственная любовь); 4) склонности к чему-либо (любовь к искусству) [3].

Как пишет В. Луков, «любовь – форма духовной культуры, представленная в тезаурусе человека как индивидуальное переживание чувства преданности людям, предметам и явлениям окружающего мира, идеям, мечтам, самому себе, когда объект этого чувства становится выше и ценнее личного «Я» и без слияния с избранным объектом, овладения им, единения человек не мыслит своего существования или, по крайней мере, ощущает глубокую неудовлетворенность, свою неполноценность, неполноту индивидуального бытия» [4. С. 34].

Содержание концепта, как он отражен и как понимается поэтом, можно охарактеризовать следующим образом:

1) Чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности к чему-л.: «Зеница ока, Родина моя, / Что без тебя на белом свете я?», «И эту землю на седьмое небо / Живой и мертвый, не сменяю я», «Не печалься, мой край, я тебя не покину...» [5 – цитаты из сборников, указанных в списке литературы];

2) Чувство привязанности, основанное на родственных отношениях: «Ты одна перед богом ходатай / За меня, моя старая мать... <...> Нет конца материнскому свету. / Есть начало – и нету конца», «Нигде я, мама, не нашел / Таких людей, как ты, хороших...», «Мой милый брат, ты – дома, я – в гостях...»;

3) Эмоциональное влечение к противоположному полу (отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством): «И пусть нас обелят, приговоренных / К последней и пожизненной любви», «И тяжело стоять перед окном / И выводить слова любви на нем...», «Пью вино и слезы лью. / Я давно тебя люблю...».

Четвертое из словарных значений – любовь может проявляться в склонности, тяготении, влечении к чему-либо (любовь к искусству, работе и т.п.) – в качестве репрезентанта в стихах А. Решетова не задействовано.

Анализ стихотворений А. Решетова в книге «Чаша» позволяет определить, что первое поле включает в себя следующие составляющие:

1) любовь к родной земле, родной стороне, деревне («В ней все в земле: начало радуг, хлеба, / Тонюсенькой черемухи, ручья...», «А на русский простор не могу наглядеться, / Все гляжу и гляжу на его красоту...», «Земной простор – леса, озера, тучи!», «Есть ли край милей и глуше?»);

2) любовь к природе («Это пламя осин при клубящейся мгле», «И возле первой нивушки ржаной / Надолго опускаюсь на колени...», «Я полон журавлиным настроением...», «О боже, как на клюквенном болоте / Лягушки беззащитные поют!», «О, запахи сосен и сена, / О, тысячи милых примет, – / Без этого сердце – не сердце, / А так, посторонний предмет»);

3) любовь к русскому народу-труженику, защитнику родной земли: «Навек остыли руки рыбака...», «Ищите без вести пропавших, / Ищите древних, молодых, / Полотна дивные создавших, / В боях Россию отстаивавших...», «Как жили женщины в бараке / У нас в поселке горняков», «Господи, как мне милы / Добрые лица рабочих»,

Когда мы всеобщей победой горды,
Я вижу суровых шахтеров ряды.
Электролампадки на касках зажглись,
И гулкая клеть устремляется вниз.
Счастливо, бурильщик! Счастливо, взрывник! <...>
Счастливо, геолог! Счастливо, солдат!
Счастливых и вам возвращений назад!

Все это у А. Решетова зовется одним трепетным словом «**Родина**».

Составляющие это поле являются характерными для русского национального менталитета, они встречаются в поэзии А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, А. Фета, Н. Рубцова и других. Однако и здесь возможны вариации, например, у А.С. Пушкина оно состоит из аспектов:

1. Любовь к Отечеству, к «родному пепелищу»;
2. Любовь как добродетель, предписываемая христианской моралью;
3. О том, что вызывает к себе чувство глубокой привязанности, симпатии [6].

Т.В. Соловьева в творчестве Б. Пастернака выделяет в данном поле элементы:

1. Чувство глубокой привязанности к Родине;
2. Любовь к природе, переживание за ее разрушение [7. С. 112-113].

Индивидуально-авторское понимание первого поля – «чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности» концепта *любовь* – у А. Решетова заключается не только в «наборе» элементов, составляющих данное поле, но и в выборе средств, характеризующих эти семантические микрополя в тексте.

В стихотворениях А. Решетова, посвященных Родине, земле, родным полям, не встретить прямого указания на лексему *любовь*, практически не употребляются по отношению к родной земле и слова с корнем *-люб-*, поскольку поэт, чуждый пафосной речи, испытывающий восторженную робость перед красотами русской земли и ощущающий свою ничтожность «без белых рощ, без пушкинской строки», считает, что слово *любовь* просто не вмещает всего того, что он хотел бы передать, а потому не использует его в текстах, «не упоминает все». Такое казалось бы **принижение себя**, характерное для решетовского лирического героя, мы вычленим и по отношению к женщине-богине. Он утверждает: «не достоин такой красоты...». Это индивидуально-авторский, решетовский, прием, отражающий своеобразие содержания концепта *любовь* в его творчестве.

Образный слой данного поля составляют «поэтические номинации, имеющие в поэзии особый эстетический смысл, специфическую семантику и экспрессивную нагруженность» [2. С. 95]. В поэтическом тексте эти образы создаются с помощью метафор, метонимии, символов, перифраз, стилистических фигур и т.п. Этот слой в лирике А. Решетова представлен параллелью: **Родина – зеница ока**. Он значим настолько, что автор этот символ выносит в заглавие цикла. В Ветхом Завете (Второзаконие, гл. 32, ст. 10) сказано: «Он нашел его в пустыне, в степи печальной и дикой, ограждал его, смотрел за ним, хранил его, как зеницу ока Своего». Таким образом, выражение «хранить как зеницу ока» у Решетова означает «хранить нечто как самую большую ценность». Параллель «Родина – зеница ока» заключает в себе и непреходящее чувство глубокой самоотверженной привязанности лирического героя к родной земле, природе, русским людям, без чего «я не жилец, я сгину от тоски», и сострадание: «Как много на свете беспечных планет, / А нашей – и часу спокойного нет. / От вечной заботы, от вечной тоски / Ее полюса – как седые виски», и желание защитить: «Пускай иссякли силы, утри кровавый пот. / Россия есть Россия. Вперед, браток, вперед! <...> Хочу, чтоб не страдала живая жизнь от войн. / И надо – пешедралом пройду весь шар земной». Употреблением простонародной разговорной лексики последнее стихотворение напоминает строки А. Твардовского: «Пешим верстам долг счет...», или:

Бой в лесу, в кустах, в болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь – по грудь...

Ассоциативный слой в содержании концепта включает «реалии художественного мира поэта, соотносящиеся и с ядром, и с образами» [2. С. 96]. В русской поэзии любовь к Родине отражена во множестве традиционных поэтических ассоциаций. У А. Решетова это: «русская песня», «доля людская», «русская осень», «отчий кров», «земной простор», «родная земля», «журавлиный клин», «мой край» и многое другое. Такие ассоциации можно встретить и у А.С. Пушкина (Я твой: я променял порочный двор цирцей, / Роскошные пиры, забавы, заблужденья / На мирный шум дубров, на тишину полей...), и у Ф.И. Тютчева («Есть в светлости осенних вечеров / Умильная, таинственная прелесть!...»), и у А. Твардовского:

Мать-земля родная наша,
В дни беды и в дни побед
Нет тебя светлей и краше
И желанней сердцу нет.

Но есть и особенные ассоциации – провинциальные, уральские – «То злая, то добрая Кама», «Урал рябиновый», последняя повторяется рефреном во многих стихах: «рябиновый скверик», «рябиновый сад». Есть и сугубо решетовская ассоциация с родной землей – это тяжелый и опасный труд шахтера:

Я знаю, насколько опасен рудник,
Когда разъяренная сила, как вепрь,
Крушит и ломает сосновую крепь...
Но кто говорит, что другие труды
Не могут сравниться с добычей руды?
– Счастливо, геолог! Счастливо, солдат!
Счастливых и вам возвращений назад!
Моя дорогая, как только за мной
Примчится встревоженный ветер ночной,
Ты руки на плечи мои положи
И тихо: – Счастливо, Алеша! – скажи...

Таким образом, обращение к реалиям художественного мира поэта порой сужается от ментальных, национальных до провинциально-уральских и даже до сугубо личных, индивидуально-авторских, автобиографических и сводится к единичным ассоциациям, которые становятся отражением субъективной картины мира автора:

За окошком вечер зимний, сорок третий год,
И стучит машинка «Зингер». Баба Оля шьет.
Шьет соседке-продавщице
Платье-кимоно,
За работу будет пища – хлеб или пшено.

Эмоционально-оценочный слой пересекается с предметно-понятийным, образным и ассоциативным в силу содержательного объема концепта *любовь*. В этот слой включаются лексемы, употребляющиеся в одном контексте с лексемами-экспликантами концепта *любовь*: наиболее часто в этом случае у А. Решетова встречается слова «милый» («Хоть весело, хоть тяжко / Ты мне всего милей», «И нет душе моей товарки / Милей полыни пустырей», «Есть ли край милей и глуше?») и «белый» («без белых рощ», «белый свет», «в белом платье ночь пришла»), а также представлен лексемами: *полюбили, не могу наглядеться, славься, хорошо мне, счастлив* и т.д. Необходимо отметить, что все без исключения лексемы обладают положительной семантикой, даже относящиеся к шахтерскому труду, поскольку он воспринимается как благодарный и почетный. Употребление лексем преимущественно с положительной семантикой является особенностью для выражения первого поля концепта *любовь* концептосферы творчества А. Решетова, поскольку именно с полем «чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности» с его составляющими: любовь к родной стороне, земле, природе, русскому народу-труженику связана любовь безусловная, взаимная, дающая умиротворение, покой и счастье, которого так не хватает лирическому герою. Родная сторона, деревня придают автору силы (вспомним противопоставление: хмурый город-деревня), природа как ласковая и заботливая мать оберегает («Я в черный день не без призора...»), даже грозная природная стихия не страшна ему («Хорошо, что под крышу поспели...» с. 113).

Второе поле лексемы *любовь* – чувство привязанности, основанное на родственных отношениях – представлено в творчестве поэта, прежде всего, отношением к матери, с которой, по словам Т.П. Катаевой, у него «была глубочайшая связь, прошедшая через всю жизнь» [8. С. 20]:

Ты одна перед Богом ходатай
За меня, моя старая мать.
Ты одна мне поможешь когда-то,
Ничего не боясь, умирать.
Ты одна мне дарила победу
Над бедой тяжелее свинца.
Нет конца материнскому свету.
Есть начало – и нету конца.

И здесь поэт не использует слово *любовь* по отношению к женщине, которая подарила ему жизнь, отдала тепло сердца в холодные и голодные военные и послевоенные годы («Никогда не забуду, как во время войны / Из картошки из мерзлой мать пекла деруны...»). В данном случае лексемы «одна» и «материнский свет» в контексте с «дарила победу», «поможешь» говорят об одиночестве героя в мире, о том, что он отчаянно нуждается в материнской поддержке и любви – поэтому «нет конца материнскому свету».

Образный слой в содержании концепта по-философски глубок: можно провести параллель земли-кормилицы, возвращающей на своей груди хлеба, с женщиной-матерью:

Лицо в морщинах, и темней, чем глина,
Лишь седина, как первый снег, светла.
Наверно, это ожила былина
И на Урал рябиновый пришла.
Искровянив о злые камни ноги,
Она брела под солнцем и во мгле,
И падал снег на волосы в дороге
И не растаял в избяном тепле.

(«Хозяйка маков»)

Я в черный день не без призора:
И в чистом поле небеса,
И во сыром бору озера –
Ее усталые глаза.
Я глажу реденькие злаки,
Внимаю шороху ветвей,
И хорошо мне, бедолаге,
С бессмертной матушкой моей.

(«На берегу дороги дальней»)

Если в творчестве русских поэтов и писателей мать – вполне земной и конкретный образ:

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

(С. Есенин)

Я помню спальню и лампадку,
Игрушки, теплую кроватьку
И милый, кроткий голос твой:
«Ангел-хранитель над тобой!»

(И. Бунин)

Все бледней лазурный остров – детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим!

(М. Цветаева)

то в лирике А. Решетова образ матери мифологичен: это и мать-земля (греч. Гейя), оберегающая, дающая силу своему сыну Антею (А. Решетов «Я приникаю к матери-земле...»), это и образ возделанной и засеянной земли как матери-кормилицы («Спешу к земле, как к матери родной, / От всех своих досад и треволнений, / И возле первой нивушки ржаной / Надолго опускаюсь на колени...»), это и материнство как позитивная связь с бессмертием («И хорошо мне, бедолаге, с бессмертной матушкой моей...»), поскольку непрерывность и преемственность жизни обеспечивается матерью.

Поэт с благодарностью очеловечивает природу, наделяя ее «матушкиным голосом», «ее усталыми глазами», и мы верим ему, его страданию и боли. Мы разделяем его уверенность в вере в бессмертие матери-земли. Как ребенок появляется из материнского лона, так травы, злаки, цветы, которых не счесть в лирике Решетова, появляются из почвы, из родной земли. И именно ей и тому, что

она родит, поклоняется его герой: «И возле первой нивушки ржаной / Надолго опускаюсь на колени». Чувства лирического героя к земле выражены теми же словами, какими оценивает он отношение к матери как к единственной утешительнице и «ходатаю» перед богом: «Спешу к земле, как к матери родной, / От всех своих досад и треволнений...», «Я приникаю к матери-земле, / И вместе с ней горюю и мечтаю». Любовь к матушке-природе, матери-земле и маме неразрывно связаны еще и потому, что «Не бойся, мама, мы одни / На этом кладбище жестоком...». Но именно в параллели – **матушка-земля и мама** – заключена надежда на воскрешение: как земля умирает осенью и непреложно возрождается каждой весной, так и герой надеется на будущую встречу с матерью и умершими близкими: «Ты одна мне поможешь когда-то, / Ничего не боясь, умирать»; «с бессмертной матушкой моей»,

Мой брат, твой адрес – кладбище, бурьян,
Земля сырая, мир потусторонний.<...>
Мой милый брат, ты – дома, я – в гостях,
Мне здесь, в гостях, то весело, то грустно,
Когда же я тебе о новостях
Поведаю не письменно, а устно?

(«Мой брат»)

И эта надежда помогает ему смириться с печальной действительностью («мир еще не так устроен, / Как должен быть устроен он»).

Ассоциативный слой в раскрытии поля – чувство привязанности, основанное народственных отношениях, – у Решетова достаточно традиционен для русской поэзии: это мать-старушка, мать-труженица, любящая и заботливая матушка:

Я копаю, мама собирает.
Еле ходят пальцы у нее,
А еще и вяжет, и стирает,
До зари встает.
До зари встает и до заката
Просто так и не присядет, чай,
Хоть одной совсем немного надо –
Был бы хлеб да чай.

(«Отчий кров. Береза у окошка.»)

У мамы цветы на балконе –
Душистый табак и левкой;
Бубенчики, чашечки, звезды:
Сынок обещается в гости.
Бессильная, еле вставала,
А все свой цветник поливала,
Лелеяла каждый росточек:
Гляди, наслаждайся, сыночек!

Особенностью раскрытия образа матери является у автора то, что он использует глаголы и иные указания на настоящее время, хотя уже «мама на вечном покое»: «ты слышишь, мама, я пришел», «руками всплесни», «не бойся», «бродишь», «сбираешь», «у мамы цветы на балконе», «поможешь» и императивные утверждения:

...тише, мама спит.
Не в темноте земли сырой,
А в нашей комнате второй.

(«Пальто и шапочку надень»)

Он не может смириться со смертью горячо любимого человека. И это у него получается в акте творчества, именно поэтому поэт снова и снова возвращается к «белому листу», творит и преображает несовершенный мир.

Важно, что ассоциатив мать-труженица в цикле «Светлолюбивы женщины» порождает образ женщины-труженицы, жены-хозяйки, вызывающей восхищение и благоговение: «Женщина пилит двуручной пилой / Толстые бревна одна», «В ожерелье сереньких прищепок / Женщина спускается с крылечка»,

Уставшая от стирки,
Ты все же собралась <...>
...Но лучше всякой лонжи
Меня всегда берег
Твой добрый взгляд, похожий
На горный огонек.

(«Цирк»)

Этот образ женщины-матери, хозяйки, жены для лирического героя А. Решетова ближе и роднее, чем образ женщины-любовницы, женщины-богини, вызывающих страсть. Женщина-любовница приносит герою лишь страдания, потому что она – «плод запрещенного древа», «лисица», ушедшая «хитро запутав след»:

Подруга пошла на коварство,
В стихах потускнели слова...

Женщина-богиня вызывает влечение, восхищение, но она бесконечно далека. И только женщина-хозяйка, верная жена может дать покой измученной потерями душе лирического героя: «Я навек к тебе приник», «Обними меня, согрей, / не гони, браня: / Волчья стая серых дней / Разорвет меня». Примечательно, что она описана словами, смысл которых близок к смыслу слов, обращенных к матери: «Ты одна перед богом ходатай / За меня, моя старая мать. / Ты одна мне поможешь когда-то, / Ничего не боясь, умирать», «Нет конца материнскому свету. / Есть начало – и нету конца...». Материнский свет – это и свет Женщины вообще из цикла «Светоносны женщины». Так для лирического героя образ матери накладывается на образ женщины-идеала: женщины, доброй и тихой «как бабье лето», но одновременно могущей уберечь, защитить, дать покой. Таким образом, поле «чувство привязанности, основанное на родственных отношениях» за счет наложения образа матери на образ женского идеала – объекта любви для лирического героя – сближается со следующим, третьим, полем: «эмоциональное влечение к противоположному полу».

Эмоционально-оценочный слой представлен лексемами и развернутыми выражениями, говорящими о бесконечной нежности, любви и признательности: «седую маму», «еле ходят пальцы у нее», «одной совсем немного надо», «усталые глаза», «голос мамушки печальной», «бессильная, еле вставала», «нигде я, мама, не нашел / Таких людей, как ты, хороших».

Третье поле концепта *любовь* – эмоциональное влечение к противоположному полу – является доминантой большинства поэтических текстов многих поэтов и прозаиков, но не в лирике А. Решетова. Об этом хотя бы говорит тот факт, что цикл, посвященный женщине, отношениям с противоположным полом, в книге «Чаша» занимает предпоследнее место после циклов о войне, Родине, природе. Трепетное и благоговейное отношение к женщине не зависит от того, любила ли она героя, обманула ли, или влюбленные стали жертвой обстоятельств. Любимая женщина в стихах Решетова безупречна и всегда права: «Любимая не пустит на порог. / Неплохо и на камушке горючем». Но это не значит, что любовь в его стихах безоблачна: «любили», «искал», «не целовал», «позабыл», «уехала», «прошла», «не сказал», «минуло», «быльем поросло», «ушла» – вот далеко не все глаголы прошедшего времени, наиболее часто употребляемые в стихах о любви.

Любовь к женщине может представлять как нежное сочувствие или как благоговение, как влечение и вожделеющая страсть или как восхищение и самозабвенное любование. Эти чувства и отношения обозначаются соответствующими словами: «влечение», «страсть», «любование», «привязанность», «сострадание», «милосердие», «благоговение» и т.п. Но каждое из них настолько глубоко ассоциируется с любовью, что нередко синонимически заменяется словом *любовь*. В творчестве А. Решетова содержание данного поля концепта *любовь* столь же разнообразно:

1) **Влечение-восхищение женщиной-богиней**, ее совершенным телом, любовь-Эрос [9. С. 28]: «Как ты прекрасна при свете / Солнца – в чем мать родила!», «маленькие матовые груди», «Какое счастье – ненароком, / Через ограду ивняка, / Увидеть юношеским оком / Купальщиц в крапинках песка»,

И были все они другими –
Не то, что в платицах своих, –
И все античные богини
Не стоили мизинца их!
Их хорошо вода держала:
На спину ляг, гребни слегка...
И на груди у них дрожало
По два вишневых поплавок...

(«Они расчесывали косы»)

Эпитетами и сравнительными оборотами выражается чувственная устремленность, порыв к предмету страсти, вожделение к нему, общий пафос этого эмоционально насыщенного переживания. Однако это впечатление юношеской незрелой любви у А. Решетова мимолетно, представлено лишь в нескольких стихотворениях. Женщина-богиня в лирике Решетова далека, неприступна и ослепительна, сравнима с солнцем, дающим жизненно необходимый свет, но способным сжечь при прикосновении: «Как нам без солнышка туго...» (С. 138), «Какое счастье – **ненароком**, / Через ограду ивняка, / Увидеть юношеским оком / Купальщиц в крапинках песка...» (С. 145), «Они расчесывали косы, / Раздевшись около реки...» (С. 146). В этих трех стихотворениях лирический герой смотрит издали на женщину-богиню: «через ограду ивняка», «ненароком», «Как ты прекрасна при свете / Солнца в чем мать родила» – то есть в отдалении, освещенная солнцем, не рядом с героем. В последнем стихотворении картина берега с купальщицами показана так широко, что становится понятно: лирический герой находится достаточно далеко от них, так, что его обзор включает часть берега («около реки», «волны плеса», «на прибрежных старых бревнах»), самих купальщиц, одинокую девушку на берегу. Женщиной-богиней можно только любоваться, она не способна ответить взаимностью на любовь героя.

2) Поэт испытывает **Благоговение** перед женщиной-женой, хозяйкой, хранительницей домашнего очага: «Женщина тиха, как бабье лето, / Протянула запотевший ковш», «Уставшая от стирки, / Ты все же собралась...», «И рожу я тебе, горемыке, / Сына Митю и Фленушку – дочь», «...Как грудь над люлькой обнажали / И тихо пели: ай-дуду... / Как утром шпильки ртом держали...» и т. д.

3) Ему известна **Несчастливая любовь**, запретная, обманутая, обреченная на разлуку под гнетом обстоятельств: «Я встреч с тобой боюсь, а не разлук. / Разлуки нас с тобой не разлучают...», «И боже тебя сохрани / Коснуться запретного плода!», «Нет, ты любовью не зови / То, что на самом деле было», «Как я искал тебя, милая, / Как я вздыхал тяжело, / Все-таки все это минуло, / Буйным быльем поросло», «Подруга пошла на коварство, / В стихах потускнели слова»,

Вообразил, что ты жар-птица,
Что ты – мой выстраданный свет.
А в самом деле ты – лисица:
Ушла, хитро запутав след.

Причин несчастливой любви много: стечение обстоятельств («Его жену чужой мужчина / Увез в серебряном седле»), ощущение героем своего несовершенства, «недостойности» этой любви, предательство любимой, осуждение влюбленных родственниками («Когда цветка не будет на окне, / Могу зайти: ни матери, ни брата / Твоих нет дома...») или осуждение любовников обществом («Не вырвут в гостинице мест / Адам и смущенная Ева. <...> Но как охраняют семью / На каждом углу постовые!»).

4) Превыше всего Решетов ценит **Любовь выстраданную, преданную, милосердную**, прошедшую сквозь огонь и воду: «И пусть нас обелят, приговоренных / К последней и пожизненной любви», «Презрев заledenевший календарь. / И тяжело стоять перед окном / И выводить слова любви на нем, / Чтоб только вьюга дальнего села / Их шиворот-навыворот прочла», «Когда ты, милая, со мною, / Все надоевшее давно / Как бы обратной стороною / Привычных звезд освещено», «Хочу, чтоб только ты глаза мои закрыла, / Когда пробьют часы, когда блеснет коса...»,

Наши письма остывают.
Что же слабый ток в крови
До сих пор не убивает
Прозябающей любви?

(«Дятел»)

Эта «прозябающая и пожизненная» любовь – последняя отрада лирического героя, умудренного жизненным опытом, потерявшего друзей и близких («Здесь я двух женщин обидел, / Здесь двух друзей схоронил...»), спасение от одиночества. Она далека от любви-страсти, чувственной любви, но это самая значимая любовь, построенная на духовном родстве, на сращении душ, взаимной заботе и осознании неодинокости перед лицом близкой смерти. Этим она близка к родственной любви-привязанности. Как и образ женщины-жены, хозяйки близок к образу матери, на этом же основании сближаются два микрополя: «благоговение перед женщиной-женой, хозяйкой, хранительницей домашнего очага» и «любовь выстраданная, преданная, милосердная, прошедшая сквозь огонь и воду».

С первой встречи, с самого начала
Плоть твоя моей душою стала.
И теперь мне сладко сознавать,
Что тебе в земле не истлеть.

Содержание этого поля у разных поэтов в силу личного мировосприятия и жизненного опыта разные. Об этом говорит и Д.С. Лихачев [10], определяя художественный концепт. Немалую роль играет здесь и временной фактор.

Рассмотрим подробнее, в виде каких семантических вариантов и какими языковыми средствами представлено третье поле концепта *любовь* – эмоциональное влечение к противоположному полу – в русской поэзии и в лирике А. Решетова.

Образный слой данного поля весьма широк: «плод запрещенного дерева», «запретный плод», «милосерднейшая плаха», «моя темница», «горький букетик былъя», любовь-«шашни». Важное место в этом слое занимает образ: **любовь – запретный плод**. Он является архетипическим символом, восходящим к библейскому яблоку с древа познания Добра и Зла, которым Змей искушил Еву, а та в свою очередь Адама. Такая ассоциация: любовь-плод (в частности яблоко) есть у А. Ахматовой [2. С. 95] и у других поэтов [11], как правило, с отрицательной коннотацией.

Образ **любовь – темница** в отличие от традиционного отрицательного восприятия: рабство, тюрьма, неволя, плен [11. С. 274] у Решетова включает в себе положительную семантику – темница – это теплота, милосердный и чудодейственный плен:

За мои печали плата –
Теплота твоих колен.
Милосерднейшая плаха,
Чудодейственнейший плен,
Как светла моя темница...

Специфической, характерной только для поэтических текстов уральского поэта, представлена **любовь как букетик былъя**. Метафоро-метонимический образ сосредоточивает внимание на временном аспекте – счастливой была любовь в прошлом, когда герой любил и был любим, а теперь, в настоящем времени, этот хронотоп печален:

Все-таки все это минуло,
Буйным былъем поросло...

(«Милая! Помнишь ли? Любишь ли?»)

Былье в данном случае – это увядший букет, цветы, которые были свежи и прекрасны, теперь это – символ, напоминание об ушедшей любви – сухостой на окне героя. Согласно словарям образов Н.Н. Ивановой [11. С. 277] и Н.В. Павлович [12] любовь в традиции русских поэтов и писателей – это «цветок роскошный», «цветок необычайный». А. Решетов изменяет русской традиции: ушедшая любовь – букетик былъя, засохшего, утратившего живую свежесть.

Ассоциативный слой представлен ассоциациями **любовь – весна** (в противопоставлении зиме-разлуке: «Листья и цветы на легком платье у тебя весною»), **любовь – свет** («Ты легким светом вся озарена», «Как ты прекрасна при свете солнца...», «выстраданный свет»), **любовь – родина** («Ты у меня, как Родина, одна»), но это все любовь – мечта («Все на свете не вечно – / И любовь, и весна»), несбыточный сон, а в реальности любовь обречена на страдания:

Ты легким светом вся озарена,
Ты вовсе не такая, как другие,
Ты у меня, как Родина, одна –
Жизнь без тебя страшна, как ностальгия.
И **снится мне**: качаются цветы,
И белый аист нам несет ребенка,
И голову закидываешь ты,
И на поляну падает гребенка.

О значимости отношений с героиней говорит троекратное повторение в начале трех первых строк стихотворения местоимения «Ты», между тем лирическое «Я» героя не заявлено совсем (не считая упоминания «нам»), оно растворено, на первом месте героиня, описанная как божество: «светом вся озарена», «ты у меня... одна». Более того, учитывая последнее четверостишие, можно утверждать, что все стихотворение в целом заключает в себе ассоциацию с Богородицей: белый аист – ангел с благой вестью, ребенок – младенец Иисус. Но все это лишь снится герою, при этом четырехкратное повторение союза «и» говорит, во-первых, о быстрой сменяемости картин во сне, а во-вторых, о желании героя продолжить перечисление желанных для него образов, задержаться в прекрасном сне, не возвращаться в печальную действительность: «Нет детей у меня. Лишь стихи / окружают меня, словно дети...»

Ассоциатив **любовь-снежинка** также характерен для индивидуально-авторского восприятия мира А. Решетова:

Она мне голову вскружила.
Но в бесконечности дорог,
Как в снег упавшую снежинку,
Я отыскать ее не мог.

(«Своим сиянием зима»)

Снежинка-любовь слишком хрупка и недолговечна, мельчайшая частичка, которую легко потерять среди ей подобных, упустить в превратностях судьбы. Ни в одном из словарей образов он не встречается (см. также Русский ассоциативный словарь [13]).

Эмоционально-оценочный слой этого поля представлен лексемами и выражениями как положительной, так и отрицательной семантики: *нежный, светлюбивый, светоносный, ясный, легкий, озарена, свет, весна, чиста, прекрасна, любимая, милый, ослепительный, радость*, и с другой стороны: *темень, жестокость, приговоренный, последней и пожизненной любви, запрещенный, усталый, полуживой, горький, былой, пустой, скорбя, вить, уставшая, размазня, заклевали, минуло, быльё, бешеная тоска, дикий куст, горький, слабый, прозябающая любовь, разбитый вдребезги, чужой, никого не жалеющий ветер, заледеневший* и т.п. Нетрудно понять, что слов и образов с отрицательной коннотацией неизмеримо больше, чем с положительной. Таково особое мировосприятие поэта, не раз отмечаемое литературными критиками. Но какой бы несостоявшейся и приговоренной любовью ни была, это все равно любовь, и для лирического героя она драгоценность, «выстраданный свет», последнее пристанище:

Спи, мой райский стебелек,
День рабочий недалек.
Спи, мой маленький родник,
Я навек к тебе приник.

(«Спи, любимая моя!»)

Хочу, чтоб только ты мои глаза закрыла,
Когда пробьют часы, когда блеснет коса.

Таким образом, анализ репрезентации художественного концепта *любовь* в индивидуальной концептосфере А. Решетова позволяет сделать вывод о структурно-смысловом богатстве значений данного концепта.

Структура художественного концепта *любовь*, построенная нами по результатам исследования творчества поэта, включает в себя три поля: 1) Чувство глубокого расположения, самоотверженной и

искренней привязанности (любовь к Родине, природе, русскому народу-труженику); 2) Чувство привязанности, основанное на родственных отношениях (любовь к матери); 3) Эмоциональное влечение к противоположному полу (отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством). При этом чувства лирического героя к земле выражены практически теми же лексемами, как и отношение к матери – единственной утешительнице и «ходатаю» перед богом, проведена параллель **земля – мать**, поэтому два поля в структуре соприкасаются как близкие по репрезентации. Третье поле многозначно, его многоплановость состоит из четырех составляющих:

- влечение-восхищение женщиной-богиней, ее совершенным телом, любовь-Эрос;
- благоговение перед женщиной-женой, хозяйкой, хранительницей домашнего очага;
- несчастная любовь, запретная, обманутая, обреченная на разлуку под гнетом обстоятельств;
- любовь выстраданная, преданная, милосердная, прошедшая сквозь огонь и воду.

И здесь по смысловому содержанию сближаются два микрополя: «благоговение перед женщиной-женой, хозяйкой, хранительницей домашнего очага» и «любовь выстраданная, преданная, милосердная, прошедшая сквозь огонь и воду».

Анализ третьего поля выявил специфические для концепта *любовь* образы: **любовь – букетик быльи, любовь – снежинка, любовь – темница**, несущая в себе (в отличие от русской традиции) положительную семантику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М.: Academia, 1997. С. 267-279.
2. Донецких Л.И., Романова Я.В. Художественный концепт «любовь» в позднем творчестве А.А. Ахматовой // Многоязычие и межкультурное взаимодействие: материалы Междунар. конф.: к 80-летию проф. С.Я. Гельберг / Удмурт. гос. ун-т, Ин-т иностр. яз. и лит. (ИИЯЛ); отв. ред.: Т.И. Зеленина, Н.И. Пушина. Ижевск, 2008. С. 93-99.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / под общ. ред. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ОНИКС 21 в.: Мир и Образование, 2004. 25 с.; 57, стлб. 104.
4. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Константы мировой культуры в вузе XXI века: концепт «любовь» // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 4. С. 32-40. URL: <http://elibrary.ru/download/24154183.pdf> (дата обращения: 13.12.2013).
5. Решетов А.Л. Белый лист. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1968. – 100 с.; Решетов А.Л. Чаша. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1981. 231 с.; Поэты тютчевской плеяды: сборник / сост. В.В. Кожин, Е. Кузнецова; вступ. ст. В.В. Кожина. М.: Сов. Россия, 1982. 398 с.; Решетов А.Л. Автопортрет: повесть, стихи. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1987. 256 с.; Решетов А.Л. Станция Жизнь. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1990. 288 с.
6. Словарь языка А.С. Пушкина: в 4 т. Т. 2. М., 1957. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?s=08lp=3068> (дата обращения: 12.01.2013).
7. Соловьева Т.В. Концепт «Любовь» и его лингвистическая репрезентация в лингвокультурном аспекте: на материале лирических и драматургических произведений К. Скворцова: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009. 173 с. URL: <http://dlib.rsl.ru/01004324014> (дата обращения: 02.12.2013).
8. Катаева Т.П. Алеша // Литературная Пермь: альманах писателей Пермского края. 2006. Вып. 4. С. 5-31. URL: http://liter.perm.ru/ess_kat.htm (дата обращения: 21.12.2012).
9. Апресян Р.Г. Слова любви: eros, philia, agape // Философия и культура. № 8(56). 2012. С. 27-40. URL: http://www.pseudology.org/Psychology/Asmus/Apresyan_Slova_lyubvi.pdf (дата обращения: 14.12.2013).
10. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М.: Academia, 1997. С. 280-287.
11. Иванова Н.Н. Словарь языка поэзии: образный арсенал языка русской лирики конца XVIII – начала XX в.: более 4500 образных слов и выражений. М., 2004. 277 с.
12. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII – XX вв.: в 2 т. Т. 1. М., 2007. 539 с.
13. Русский ассоциативный словарь. Кн. 6. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурусный словарь русского языка. Ч. 3 / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин [и др.]. М.: ИРЯ РАН, 1998. 324 с.

Поступила в редакцию 15.11.15

L.I. Donetskikh, V.O. Kolodkina**LITERARY CONCEPT OF *LOVE* IN A.L. RESHETOV'S POETRY**

The paper analyzes the artistic concept of *love* which reflects one of spiritual realia of the linguistic reality and its peculiar features within the structure of the writer's worldview. The article represents its conceptual elements, demonstrates individual dissection of meanings within the framework of contexts, and reveals mental explication of the cultural and historical context with reference to creative works of the Ural poet Andrey Reshetov. The research has contributed to the image of this universal concept, revealing its new emotional and conceptual shapes, grasping individual and subjective layers in emotions of the artist's original poetry which has not come in view of his linguistic poetics so far.

Keywords: sphere of concepts, literary concept, conceptual core, periphery, imaginative, associative, emotional and appraisive layer.

Донецких Людмила Ивановна,
доктор филологических наук, профессор
E-mail: russistoria@mail.ru

Колодкина Валерия Олеговна, студентка
E-mail: valeriyakolodkina@mail.ru

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)

Donetskikh L.I.,
Doctor of Philology, Professor
E-mail: russistoria@mail.ru

Kolodkina V.O., student
E-mail: valeriyakolodkina@mail.ru

Udmurt State University
Univeritetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034